Обзор на книгу / Book review

Сверхразнообразие как вызов прежним парадигмам

М. С. Гусельцева
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт), Школа антропологии будущего РАНХиГС, Москва, Россия

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Гусельцева, М. С. (2025). Сверхразнообразие как вызов прежним парадигмам. *Образовательная политика*, 20(1), 104–115.

© Гусельцева М. С., 2025
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 01.02.2025
Принята: 04.02.2025
Дата публикации: 31.05.2025

Марина Сергеевна ГУСЕЛЬЦЕВА

д. псих. н., доцент; ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт); ведущий научный сотрудник, Школа антропологии будущего РАНХиГС
(119606, РФ, Москва, пр. Вернадского, 84),
https://orcid.org/0000-0002-0545-0612,
e-mail: mguseltseva@mail.ru

The Oxford handbook for superdiversity

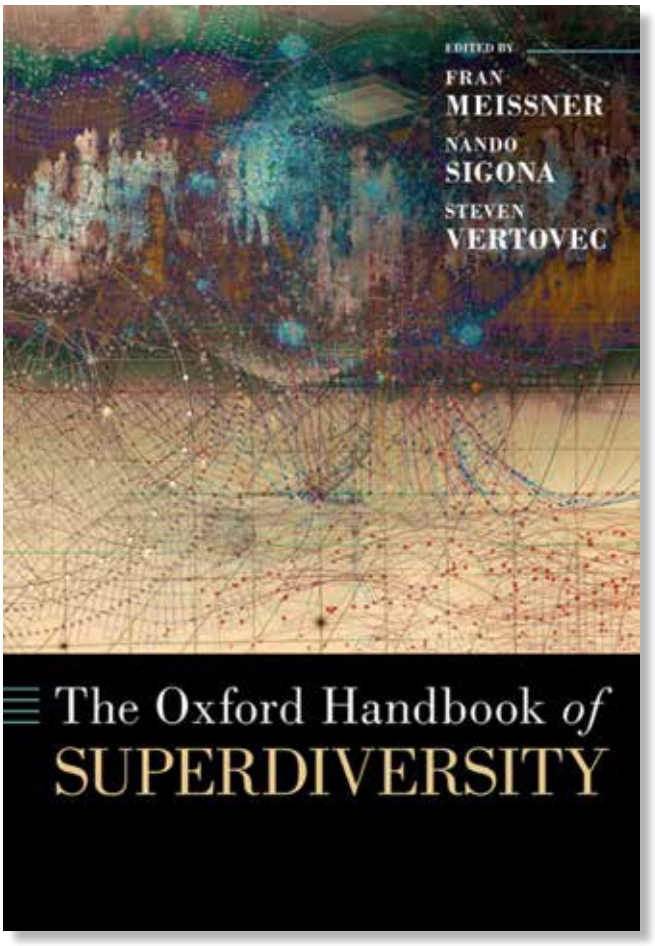
«Оксфордское руководство по сверхразнообразию» было опубликовано в 2022 году под редакцией Стивена Вертовека, Нандо Сигоны и Фрэн Мейснер[1]. Следует сказать несколько слов о редакторах этого сборника.

Фрэн Мейснер (Fran Meissner) — специалист в области критических исследований. Она принадлежит к университетскому сообществу Нидерландов и изучает проблемы религиозного, этнического и городского разнообразия.

Нандо Сигона (Nando Sigona) — специалист по вопросам миграции, директор Института исследований сверхразнообразия при Бирмингемском университете в Соединенном Королевстве.

Стивен Вертовек (Steven Vertovec) — социолог и этнолог, исследователь в области

1 Vertovec, S., Sigona, N., & Meissner, F. (Eds.). (2022). *The Oxford handbook of superdiversity.* Oxford University Press.

транснациональной антропологии, автор оригинальной концепции сверхразнообразия, директор Института Макса Планка по изучению религиозного и этнического разнообразия.

Понятие *сверхразнообразия* (superdiversity) впервые появилось в 2007 году. С. Вертовек ввел его в контексте изучения миграционных потоков, фокусируя внимание на особом типе и уровне сложности феноменов современности, выходящих за рамки имеющихся моделей социальной мобильности и этнического многообразия. Сверхразнообразие — это разнообразие повышенной сложности, «диверсификация разнообразия», вызванная смешением процессов социальной мобильности и культурной дифференциации. Однако сверхразнообразие не означает «больше разнообразия»: вместо этого оно нацелено на многомерное понимание разнообразия и включает в себя иные его формы и уровни[2].

Сверхразнообразие — концепция, в первую очередь реагирующая на усложнение современной городской жизни. Она фокусирует внимание на феноменологии малых различий. При этом сверхразнообразие не связано более ни с этническими, ни с групповыми идентичностями, ибо в условиях современности размывается и феномен группы. С одной стороны, увеличение разнообразия обусловлено социокультурной динамикой и диверсификацией сообществ, а с другой — гораздо более выраженным оно становится внутри локальных сообществ. Изучая социальную мобильность в Великобритании, С. Вертовек отметил, что современная ситуация «характеризуется динамичным взаимодействием переменных среди возросшего числа новых, малочисленных и рассеянных, разнородных, транснационально связанных, социально-экономически дифференцированных и легально стратифицированных иммигрантов, прибывших за последнее десятилетие»[3]. Он также подчеркнул, что новые модели сверхразнообразия служат вызовом как для социальной политики, так и для научных исследований (Ibid.).

В дальнейшем эта исследовательская тема привлекла внимание других ученых и авторских коллективов[4,5]. Понятие сверхразнообразия оказалось востребовано во множестве тематических областей и стало применяться к широкому спектру ситуаций в разных регионах мира. Авторы справочника по сверхразнообразию прослеживают происхождение этого понятия из интеллектуальной традиции антропологических работ, посвященных урбанизации, плюрализму, культурной сложности и креолизации, а также проблемам идентичности. С географической точки зрения понятие «сверхразнообразие» соотносится с конструктами «сосуществующая гетерогенность» (co-existing heterogeneity) и «контекстуальная множественность» (situated multiplicity) (Ibid., p. 28).

2 Ibid., p. 275.

3 Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies, 30*(6), 1024–1053.

4 Vertovec, S. (Ed.). (2014). *Routledge International Handbook of Diversity Studies*. Routledge.

5 Vertovec, S., Sigona, N., & Meissner, F. (Eds.). (2022). *The Oxford handbook of superdiversity*. Oxford University Press.

Структура и содержание сборника

«Оксфордский справочник по сверхразнообразию» состоит из пяти частей и тридцати двух глав.

Во вводной статье «Сверхразнообразие и сложные социальные трансформации» (Superdiversity and Complex Social Transformations) Ф. Мейснер, Н. Сигона и С. Вертовек обсуждают изменения современного мира, относящиеся преимущественно к процессам миграции, а именно диверсификацию миграции и политику идентичности.

Трансформации социальной реальности, цифровая среда и глобализация сделали миграцию доступной огромному количеству людей, так что появились ее разновидности: экономическая, политическая, сезонная, репродуктивная, образовательная, климатическая и т. п. Миграция сделалась органичной частью городской повседневности. Формы миграции простираются от спонтанного бегства из мест катастроф до вполне осознанной релокации и профессиональной мобильности как выбранного образа жизни. Расширяются транснациональные сети мигрантов и диаспоральные сообщества; миграция как таковая запустила новые социальные процессы. «Во множестве мест по всему миру живут люди с более разнообразными этническими, расовыми, языковыми, религиозными и правовыми характеристиками, чем когда-либо прежде — каждый набор характеристик по-разному пересекается с другими, а также с возрастом, полом и классом» (Ibid., p.2). Таким образом, *разнообразие само по себе сделалось более разнообразным*, охватывая новые уровни и распространяясь по разным направлениям. Иммиграционные сообщества неоднородны, в них нарастает внутреннее разнообразие, а все это вместе сопровождается трансформациями «традиционных представлений о суверенитете и гражданстве» (Ibid.).

Жизненная среда современного человека описывается такими понятиями, как фрагментированность, сверхразнообразие/сверхразнородность, мобильность. Фрагментированные и сверхразнородные сферы жизни характеризуются тем, что в них «умножаются параллельные точки зрения, часто совершенно несоизмеримые», а «множественные масштабы различий и идентичности», включая транснациональные и диаспоральные сети, делают неадекватными представления об обособленном социальном пространстве (Ibid., p. 20). В свою очередь, подход к сверхразнообразию, учитывающий одновременно и локальные, и транснациональные связи, ведет к более насыщенным и многоуровневым описаниям современности, а также проясняет влияние этих связей на региональные отношения и социокультурную динамику.

Представление о сверхразнообразии и сложных социальных трансформациях так или иначе преломилось в ряде дисциплин. В первой части «Дисциплинарные изменения» (Disciplinary developments) феномен сверхразнообразия обсуждается авторами справочника в контексте разных дисциплинарных традиций. Цель этой части книги — преодолеть барьеры специализаций и выйти на уровень современного междисциплинарного взаимодействия (по сути дела, речь идет о трансдисциплинарности, хотя этот термин можно встретить лишь в нескольких главах книги).

Итак, первая часть справочника опирается на междисциплинарные знания, которых, по мнению авторов, зачастую недостает исследователям и практикам, не имеющим специальной подготовки в области исследований миграции или феноменов социального многообразия. В относящихся к этой части главах сверхразнообразие рассматривается в контексте антропологии, географических исследований, городского планирования, законотворческой деятельности, истории, социолингвистики и лингвистической этнографии, экономики и политической науки. С. Вертовек обнаружил, что за последнее десятилетие слово «сверхразнообразие» использовалось в 325 публикациях по различным дисциплинам (Ibid., p. 98). Антрополог М. Л. Берг (Mette Louise Berg) прослеживает сверхразнообразие как латентную традицию антропологических исследований в области урбанизации,

плюрализма, культурной сложности и креолизации. Она показывает, что антропологические взгляды на разнообразие представлены в контексте изучения таких аспектов современности, как сложность (complexity), различие (difference), сходство (sameness) и смешивание (mixing).

М. Л. Берг обнаруживает сверхразнообразие в истории антропологических работ, посвященных миграции; сравнивает сверхразнообразие (superdiversity) с семантически близкими понятиями — мультикультурализмом (multiculture) и транснационализмом (transnationalism). «Транснационализм, как и сверхразнообразие, — это концепция, которая была введена и развита антропологами и оказала преобразующее влияние на область исследований миграции» (Ibid., p. 16). Хотя процессы миграции и прежде выступали важной особенностью множества изучаемых антропологами обществ, функционалистская ориентация этой дисциплины вплоть до 1990-х годов определила тот факт, что исследования миграции были отодвинуты на периферию (Ibid.).

СВЕРХРАЗНООБРАЗИЕ — КОНЦЕПЦИЯ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ РЕАГИРУЮЩАЯ НА УСЛОЖНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Тем не менее интеллектуальные достижения конца XX века заложили основу для методологического поворота, в рамках которого и возникла концепция сверхразнообразия. «Транснационализм выступил новым термином для давно возникшего социального явления, которое исследователи миграции не выделяли ранее из-за их теоретической и концептуальной предвзятости в направлении оседлого образа жизни» (Ibid., p. 19). Понятие «сверхразнообразие» является новым термином, описывающим реалии XXI века, однако, согласно М. Л. Берг, ретроспективно этот феномен можно обнаружить в мегаполисах, например в Нью-Йорке, начала XX века.

Во второй части справочника «Методологические размышления» (Methodological reflections) авторы утверждают, что обнаружение и анализ сложных социальных трансформаций опирается как на разработку новой терминологии, так и на более тонкие методологические инструменты. Понятие сверхразнообразия позволило вскрыть «контекстуально различные слои разнообразия», сфокусировав внимание на том, что в качестве социального состояния сверхразнообразие может быть интерпретировано по-разному в зависимости от фокуса сравнительных исследований.

Обращаясь к феномену смешанности (mixing), М. Палмбергер отмечает, что в условиях современности сложные социальные трансформации зарождаются в результате взаимодействия реальной жизни и онлайн-опыта. Философы В. Фейт и Л. Лессард-Филлипс поставили цель — «изучить взаимосвязь сверхразнообразия с многомерностью», предположив, что это позволяет «теоретически и эмпирически перейти от более статичных, одномерных и однонаправленных концепций к более динамичным, многомерным и разнонаправленным» (Ibid., p. 209). Многомерный подход охватывает совокупность факторов, способных действовать независимо друг от друга, но также и одновременно. «С увеличением объема фоновых факторов по мере использования многомерной линзы анализ их взаимодействий становится все более сложным, но в то же время и более детальным, что представляет собой вдохновляющее направление для эмпирических исследований» (Ibid., p. 218).

В. Фейт и Л. Лессард-Филлипс используют термин *мультиплексность* (multiplexity). Это ключевое понятие концепции, описывающей сложные формы идентичности и взаимодействия субъектов в ситуации сверхразнообразия (superdiversity). В условиях современности люди обладают множеством пересекающихся идентичностей — этнических, культурных, социальных, религиозных, языковых и т. д., которые уже невозможно

свести к одному фактору. Пребывание субъектов в разных и меняющихся социальных контекстах развивает такие качества, как гибридность (hybridity) и вариативность (variability). От привычного плюрализма (pluralism, plurality) понятие мультиплексности отличается тем, что современное разнообразие сделалось гораздо сложнее: оно включает динамические и нелинейные обусловленности множеством факторов, что и потребовало новых терминов и методов анализа.

В третьей части справочника «Пространства и масштабы» (Spaces and scales) подчеркивается важность соотнесения социальных пространств и масштабов для понимания сверхразнообразия. Б. С. А. Йео (глава 16) и П. Бокканьи (глава 17) через оптику «различных нормативных представлений о сверхразнообразных пространствах» (Ibid., p. 8) обращаются к анализу домашней среды. Б. С. А. Йео обсуждает сверхразнообразие в контексте повседневности, «диверсификации дома как пространства однородности» (Ibid., p. 248). Аналитическая оптика сверхразнообразия помогает отказаться здесь от дихотомии «публичного» и «частного»; показывает неоднородность как приватных, так и общественных пространств; обнаруживает качества смешанных реальностей. «Обращение аналитического внимания к дому-пространству помогает выявить интимные отношения и аффективные структуры, лежащие в основе широкого спектра семейных и несемейных отношений» (Ibid., p. 255). Другие авторы — Э. Кескинер и ее коллеги (глава 18) — используют концепцию сверхразнообразия для критики одномерного подхода к вопросам школьного образования. Р. Акоста (глава 19) и Л. Катиравелу (глава 20) в сравнительном исследовании городских пространств используют мультискалярный подход, позволяющий выявить и соотнести различные пространственные и временные масштабы.

В четвертой части «Власть и политика» (Power and politics) феномены сверхразнообразия, прекаризации и маргинализации рассматриваются в контексте преимущественного влияния политических факторов. Концепция сверхразнообразия позволяет преодолеть здесь редукционизм и поляризацию, присущие политике идентичности. Специалист в области политических наук П. Шолтен (Peter Scholten) развивает комплексный взгляд на управление сверхразнообразием. Он доказывает, что одной из причин неудачной миграционной политики является неготовность чиновников работать со сложностью современного мира. Профессор социологии Д. Гелдоф (Dirk Geldof) исследует, как оптика сверхразнообразия, преодолевая редукционизм, помогает «распознавать множественные идентичности людей» (Ibid., p. 346). Он доказывает, что признание этой множественности создает основу конструктивных взаимодействий.

Пятая часть справочника «Концептуальные пересечения» (Conceptual encounters) посвящена проектированию новых исследовательских тем, которые, как полагают авторы, обретут актуальность в ближайшие десятилетия. Антрополог Т. Х. Эриксен (глава 27) показывает связь сверхразнообразия с феноменом, названным «перегревом» (overheating) и представляющим собой конфигурацию «непреднамеренных и взаимосвязанных последствий», вызванных условиями глобализации, политикой неолиберализма, мобильностью населения и технологическими изменениями, сделавшими «связь мгновенной, а транспорт недорогим» (Ibid., p. 403). В свою очередь, А. Уайз (глава 28) предлагает рассматривать сверхразнообразие как обогащающую парадигму для развития представлений о повседневном мультикультурализме (concept of everyday multiculturalism) (Ibid., p. 10).

В заключительной главе сборника Ф. Мейснер, Н. Сигона и С. Вертовек обсуждают перспективы сверхразнообразия в контексте сложных преобразований современного мира.

Методологические проблемы и инновационные решения

Сверхразнообразие очень вдохновляет методологов, поскольку служит благодатной почвой для методологических инноваций. Так, Р. Негрон в статье «Инновации в изучении сверхразнообразия: методология, методы

и подходы» (глава 15) задается вопросом: как воплотить сложное мышление в исследовательскую практику? Ответом на этот вопрос становятся инновационные методы, вызванные усложнением и диверсификацией социальной реальности, а также современными технологическими достижениями. Одной из важных методологических стратегий выступила трансдисциплинарность (transdisciplinarity), позволяющая в проблемно-ориентированном изучении разнообразия интегрировать знание не только социальных наук, таких как социология, лингвистика, антропология, психология, география и политология, но и биологии, и связанных с нею экологии и генетики. «В континууме дисциплинарной интеграции трансдисциплинарность занимает край спектра, где достигается самый высокий интегративный уровень. Полностью реализованный трансдисциплинарный подход приведет к созданию новых идей, способов мышления, концепций и/или методов» (Ibid., p. 227), убеждена Р. Негрон. Такие свойства трансдисциплинарного подхода, как гибкость и открытость к экспериментированию, позволяют извлекать новые идеи из самого исследовательского процесса. Р. Негрон отмечает, что, хотя концепция сверхразнообразия не позиционировалась в качестве проекта трансдисциплинарности, по факту она им является. Трансдисциплинарный подход «расширяет границы методологических инноваций, приближая их к интеграции всех человеческих знаний (самому высокому уровню сложности)» (Ibid.). Творческий потенциал трансдисциплинарного подхода заключается в том, что феномены, несоизмеримые на одном уровне реальности, побуждают исследователя к конструированию перспективы, обращающейся к следующему, более сложному уровню. «Помимо создания новых перспектив, охватывающих разные уровни, методы также могут сделать несколько уровней реальности доступными для исследователей» (Ibid.). Более того, трансдисциплинарный подход способен «объединить практики и знания из области искусства, науки и философии» (Ibid., p. 228).

Возникнув в контексте пространственной сложности и ускоренных изменений, концепция сверхразнообразия послужила толчком к циклу инновационных работ, изучающих «сложную диверсификацию различий в городских районах» (Ibid., p. 22). Особую эвристичность в этих исследованиях показал *антропологический подход*, поскольку антропологи уже имели методологические преимущества в сопоставлении точек зрения, «включая различные способы концептуализации, понимания и интерпретации процессов диверсификации в разных контекстах и в разное время» (Ibid., p. 21).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ КОНЦА XX ВЕКА ЗАЛОЖИЛИ ОСНОВУ ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА, В РАМКАХ КОТОРОГО И ВОЗНИКЛА КОНЦЕПЦИЯ СВЕРХРАЗНООБРАЗИЯ

Транснациональные (transnational) и транслокальные (translocal) связи охватывают социокультурное пространство современности, изменяя повседневную жизнь людей и их внутренний мир. Хотя эти перемены совершаются на наших глазах, из-за непосредственной вовлеченности в события исследователю не всегда удается их осмыслить, особенно отрефлексировать изменения в самом себе — собственных способах мышления и восприятия. Антропология же помогает взглянуть на мир одновременно и с участвующей, и с отстраненной позиции наблюдателя, осознать перемены во внешнем мире в связи с их воздействием на идентичность пребывающего в изменениях человека.

Наряду со сверхразнообразием в справочнике широко используется понятие *комплексной социальной трансформации* (complex

social transformation). Оно охватывает изменения во множестве сфер современной жизни, происходящих на макро-, мезо- и микроуровнях. Эти изменения затрагивают целостную структуру общества, организацию институтов и сетей, повседневные поведенческие практики, а также то, что люди думают о самих себе и окружающем мире. Таким образом, концепт социальной трансформации объединяет процессы сложности, динамичности, взаимной обусловленности, контекстуальности и многоуровневой опосредованности глобальных изменений. При этом от текущих преобразований социальная трансформация отличается именно глобальным сдвигом, происходящим одновременно в разных сферах жизни людей. «Акцент на социальной трансформации означает нечто большее, чем просто ненаправленные и бессистемные социальные изменения. Он направляет наше внимание на структурное укоренение социальных сдвигов, на глобальные отношения власти и неравенства, а также на сложное взаимодействие между социальной, культурной, политической и экономической динамикой» (Ibid., p. 3).

Ф. Мейснер, Н. Сигона и С. Вертовек рассматривают применение *теории сложности* при изучении вопросов социальной трансформации. Этот методологический инструментарий, отчасти заимствованный из физики, позволяет объединить множественные нелинейные, беспорядочные или непредсказуемые траектории процессов, включая возрастание числа агентов перемен и различных взаимосвязанных характеристик, а также неопределенные и случайные факторы, эмерджентность, неожиданное поведение самоорганизующихся систем и т. п.

Обсуждая, например, чем социальное неравенство как таковое отличается от *сложного социального неравенства* в условиях современности, авторы справочника отмечают, что прежние парадигмы социальных наук рассматривали преимущественно классовое или сословное неравенство, в то время как сейчас исследователи испытывают трудности, стараясь одновременно учитывать гендер, этническую принадлежность, возраст, религию, нацию, сексуальную ориентацию и инвалидность. Еще большие трудности возникают при моделировании непредвиденных процессов, спонтанно возникающих в местах пересечения идентичностей. Добавив сюда саморефлексивность и диверсификацию внутри самого неравенства, мы получаем реальность, требующую для понимания иного концептуального аппарата и разработки новых понятий. Так, теория сложности становится одним из инструментов для овладения множеством перекрывающихся и пересекающихся способов различий и их производных с точки зрения разных форм неравенства — материального, экономического, пространственного, социального, символического и т. п.

Авторы размышляют, как соотносятся между собой *комплексность* (complexity) и *сложность* (complication). Комплексность, как правило, описывает структурные характеристики системы, тогда как сложность — трудности ее понимания и управления. С методологической позиции сложность означает необходимость признания и использования множества разных подходов к изучению сверхразнообразия, что, в свою очередь, делает востребованной разработку трансдисциплинарного подхода. Однако здесь важно различать *теорию сложности как объяснительную концепцию* и *сложность как методологическую оптику* — «исследовательскую линзу, которая помогает ученым постоянно подвергать сомнению многочисленные взаимосвязи факторов, влияющих на то, как проявляется разнообразие в локальных контекстах» (Ibid., p. 4).

Путаницы добавляет и тот факт, что если понимать *сверхразнообразие как концепцию*, подчеркивающую сложные и комплексные преобразования современности, то *сверхразнообразие как наблюдаемое социальное явление* различно в разных социокультурных контекстах, а потому не сводится к единым показателям. «Если сложные социальные трансформации связаны с множеством перекрывающихся способов различения и создания различий, то сверхразнообразие с самого начала подталкивало нашу аналитическую призму

к этим множественностям» (Ibid., p. 5). Ответом на эти вызовы стали *теории сложности социальной идентичности*, основанные на осознании перекрестной категоризации членства в собственной социальной группе и принадлежности к другим социальным группам. «Фактическая сложность членства в множественных, частично перекрывающихся группах может отражаться, а может и не отражаться в субъективном представлении индивида о своей множественной идентичности. <...> Когда человек признает и принимает, что членство в нескольких группах не полностью конвергентно или частично перекрывается, связанная с ним структура идентичности становится одновременно более инклюзивной и более сложной» (Ibid., p. 347).

Вполне предсказуемо, что более всего инновационных подходов возникло в области *этнографии*. С. Вессендорф (глава 10) подчеркивает, что «этнографические методы особенно подходят для изучения сложных социальных реалий, поскольку они чувствительны к индивидуальному опыту различий, сложной идентификации и важности конкретных социальных контекстов и ситуаций в том, как люди относятся друг к другу» (Ibid., p. 153). Так, в этнографии — вместо того, чтобы рассматривать социальную жизнь этнических групп или отношения между двумя конкретными группами, — концепция сверхразнообразия «побудила этнографов подвергнуть сомнению описания людей с точки зрения отдельных социальных категорий, таких как этническая принадлежность, раса и класс» (Ibid.). Под влиянием локального поворота на передний план вышел вопрос о том, как на людей влияют определенные места в социальных пространствах, а не их групповые принадлежности. С. Вессендорф убеждена, что «этнографические методы по-прежнему представляют собой плодотворные и динамичные способы изучения сложных сверхразнообразных обществ» (Ibid., p. 157).

Не используя этого термина, Р. Д. Грилло (глава 9) отмечает важность сравнительных исследований и трансдисциплинарного подхода: «Всегда существует длительный процесс диверсификации, и чтобы понять силы, которые его формируют, и реакции на него, любой случай необходимо рассматривать через призму его исторического, социального, культурного, экономического, политического и религиозного контекстов» (Ibid., p. 146).

С ПОЗИЦИИ ЦИФРОВОЙ ЭТНОГРАФИИ СОВРЕМЕННОСТЬ РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК «ВСЕ БОЛЕЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ, СФЕРЫ И КОНТАКТЫ»

В области *социолингвистики* сверхразнообразие также выступило важным концептуальным инструментом «и даже использовалось для методологической переоценки самой дисциплины» (Ibid., p. 164). Социолингвистика применила концепцию сверхразнообразия для переоценки концептуальной и методологической релевантности «в свете растущей сложности, изменчивости и мобильности многоязычных людей» (Ibid., p. 108). Так, например, группы стали рассматриваться не только как совокупности субъектов, которые взаимодействуют друг с другом, но и как «шаблонные наборы коммуникативного поведения и отношений, с которыми они диалектически связаны» (Ibid., p. 114). Более тонкие аналитические инструменты позволили критически отнестись к линейным теориям социального действия, согласно которым черты сообщества интернализируются или не интернализируются состоящими в этих сообществах людьми, а также выделить разные и неравномерно меняющиеся модели нормативности.

С позиции *цифровой этнографии* современность рассматривается как «все более разнообразные повседневные жизненные миры, сферы и контакты», а интернет трактуется как

«сверхразнообразное пространство» (Ibid., p. 163). М. Палмбергер (глава 11) доказывает, что вместо сопоставления офлайн- и онлайн-пространств необходима методология, которая может справиться с новыми реалиями, возникающими на пересечениях и в различных переплетениях онлайн- и офлайн-пространств. «Соприсутствие на географических расстояниях теперь достигается с помощью цифровых медиа и новых коммуникационных технологий. Этот опыт влияет на восприятие пространства, расстояния и связи» (Ibid., p. 170). Сам по себе опыт «присутствия» сделался менее физическим, менее «топологическим», но более активным и аффективным. В равной мере в новых практиках общения и соприсутствия меняется и опыт отсутствия. Все эти новые виды коммуникации и посредничества порождают иное понимание социальности и сопутствующих социокультурных практик. «Новые средства массовой информации и медиа-платформы позволяют строить и формировать социальные отношения и обсуждать идентичности за пределами территориально определенных мест» (Ibid., p. 171).

Специалист в области предпринимательства, лидерства и локальной экономики К. Трехан (глава 12) применил к изучению сверхразнообразия *системную психодинамику* — «подход, который исследует взаимодействие между коллективными структурами, нормами и практиками в социальных системах, а также восприятием, мотивацией и эмоциями организаций внутри этих систем» (Ibid., p. 177). Системная психодинамика позволяет выявить связи между тремя областями человеческого опыта — рациональной, политической и иррациональной. Она отличается повышенной чувствительностью к эмоциональному и политическому контексту, а потому особенно удачно подходит для выявления сложности и многослойности разнообразия в малых формах. Согласно К. Трехан, синтез системной психодинамики и сверхразнообразия «подчеркивает ценность принятия подхода, который задействован и работает на пересечении эмоций, власти и политики» (Ibid., p. 186).

Отдельно остановимся на статьях сборника, имеющих отношение к вопросам социализации молодежи и реформам образования.

Сверхразнообразие и пространства социализации подрастающих поколений

Специалист в области социальной географии Б. С. А. Йео (глава 16) посредством оптики сверхразнообразия рассматривает в неожиданном ракурсе домашние пространства, где *дом выступает как протопатриотическая категория.* «В качестве категории анализа дом можно рассматривать именно как совместные практики по привязанности (attachment) к местам и их присвоению, потенциально переплетающей множество масштабов» (Ibid., p. 262). Б. С. А. Йео исследует, как люди пытаются придать определенному месту чувство безопасности (sense of security) и принадлежности (belonging), близости (familiarity) и контроля, они должны выделить его и присвоить, сделать особенным, «своим» и потенциально более эксклюзивным, чем окружающая среда. Таким образом, дом становится совокупностью социальных практик и анализируется с точки зрения конкретных акторов, которые не обязательно ограничиваются исключительно домашней сферой (Ibid.). Представление о доме психологически расширяется, постепенно охватывая все большее пространство. Из этого исследования мы видим, что *подлинный патриотизм рождается из привязанности и экзистенциальной безопасности субъективно присвоенного пространства,* которые в дальнейшем распространяются с дома на малую родину (территориальная идентичность) и/или на страну (гражданская идентичность).

Социолог П. Бокканьи (глава 17) обращает внимание на возможность *стихийного развития толерантности при диверсификации социальной среды.* Он полагает, что «ежедневное воздействие сверхразнообразной окружающей среды» может привести к «большему признанию разнообразия как нормы» (Ibid., p. 271).

Однако наибольший интерес представляет статья Э. Кескинер и соавторов «Сверхразнообразие, молодежь и образование» (Superdiversity, Young People, and Education), где авторский коллектив ставит вопрос о том, при каких условиях сверхразнообразный контекст, будь то городские районы или пространства школы, ведет к положительным или отрицательным результатам социализации.

Образование как коммуникативное пространство и социальный институт представляет весьма перспективную область при изучении этого вопроса. Однако концепция сверхразнообразия до сих пор практически не использовалась как оптика в сфере образования. Обращаясь к исследованию разнообразия в контекстах школ, ученые прежде всего рассматривали эти вопросы со стороны возрастающего мультикультурного разнообразия, «объединяя учащихся с различными миграционными, этническими, расовыми, гендерными и социальными классовыми характеристиками в единую категорию» (Ibid., p. 284). Однако такие способы анализа, по мнению авторов, создают нерелевантную картину реальности, «стигматизируя как школы, так и их учеников», попадают под влияние предрассудков, приписывая учащимся негативные ярлыки (Ibid.).

КОНЦЕПЦИЯ СВЕРХРАЗНООБРАЗИЯ ДО СИХ ПОР ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛАСЬ КАК ОПТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Э. Кескинер и ее коллеги убеждены, что «отказ от этнической линзы и применение многомерного описания сверхразнообразия помогает переключиться с дискурса о неблагополучии к рассмотрению сложности идентичности как обогащения» (Ibid.). Помимо этого, важно сфокусироваться на роли и способности институциональных контекстов, в данном случае школ, справляться со сверхразнообразием идентичности своих учеников.

Социальная реальность современности такова, что «в четырех крупнейших городах Нидерландов 51,8% населения имеют миграционное прошлое» (Ibid., p. 278). Эта ситуация находит отражение и в составе классов городских школ. В тех районах, где большинство жителей являются потомками мигрантов, «обучается более 70% учащихся с миграционным прошлым» (Ibid.). Однако, несмотря на изменившуюся реальность, где множественность идентичности и сверхразнообразие городской жизни неминуемо транслируется в школьную среду, «школы отрицают растущую смешанность обществ и, следовательно, по-прежнему действуют, руководствуясь предположением об «однородности»» (Ibid., p. 277). Как это часто бывает в последнее время, *развитие социальной реальности опережает компетенции политиков и педагогов*, продолжающих использовать привычные коммуникативные стратегии. «До сих пор общая тенденция заключалась в том, чтобы воспринимать и представлять сверхразнообразную школьную среду как проблематическую» (Ibid., p. 279). Авторы же предлагают переставить акценты и определять «школьное население» в категориях не «отсталости», а «сверхразнообразия». Это, в свою очередь, позволит сосредоточиться на том, каким образом школы (и иные учебные заведения) справляются с этаким сверхразнообразием.

Высказанные идеи авторы подкрепили материалами эмпирических исследований, сделав объектами изучения случаи образовательных успехов и неудач. На этой основе они проанализировали, что может предложить концепция сверхразнообразия в контексте нидерландских сегрегированных школ и в контексте нидерландских высших учебных заведений. В первом случае сверхразнообразие рассматривалось участниками образовательного процесса как причина школьных неудач, тогда как во втором случае сверхразнообразие оценивалось скорее позитивно — как возможность привнесения в учебный процесс различных точек зрения и знаний и тем самым создания

более богатой и инновационной среды обучения.

В результате исследования авторы пришли к выводу, что в анализе педагогического процесса «внимание чаще всего концентрируется на индивидуальных характеристиках молодых людей и слишком мало внимания уделяется структурным условиям» (Ibid., p. 280). Однако концепция сверхразнообразия переносит акцент на важность институционального контекста как определяющего школьные результаты. Так, концепция сверхразнообразия позволила выявить стереотипы интерпретации и восприятия, когда, например, школьные неудачи приписывались социальному статусу детей-мигрантов. Эмпирическое же исследование продемонстрировало, что дело не в этом, а в институциональной среде, не отвечающей вызовам изменившейся социальной реальности, и когнитивных искажениях действующих лиц. «...Есть представление о том, что семьи мигрантов имеют низкие образовательные ресурсы и амбиции», однако во многих семьях мигрантов образовательные амбиции выше, нежели в семьях немигрантов, а стабильность этих семей «обеспечивает гораздо лучшую среду, чем некоторые нестабильные семейные ситуации учеников-немигрантов» (Ibid.). Тем не менее эти аналитические тонкости теряются, если оперировать средними показателями на уровне изучения социальных групп.

Также в исследовании было обнаружено, что в классах сегрегированных школ «учащиеся без миграционного прошлого становятся невидимыми и забытыми» (Ibid., p. 281). Использование же концепции сверхразнообразия в качестве исследовательского инструмента делало видимыми эти невидимые группы. Поскольку у детей в сегрегированных школах возникают разные проблемы в обучении, нет универсальных методов их решения. «...Не только учащиеся с миграционным прошлым, но и учащиеся без миграционного прошлого являются частью контекста сверхразнообразия. В этом смысле использование оптики сверхразнообразия помогает выявить ограничения видения, которое гомогенизирует и описывает школы с мигрирующим населением как монолитные образования» (Ibid., p. 284).

Все это имеет и политические последствия. Так, в условиях современности довольно ярко видны разного рода меньшинства, однако парадоксальным образом невидимыми *сделались люди с «обычной» или «нормальной» идентичностью*: «Эти студенты не имели миграционного происхождения, часто были молодыми людьми из среднего класса, и они чувствовали, что не могут быть теми, кем хотят быть в университете, потому что их тип разнообразия (имеющий политическую ориентацию меньшинства) не становился частью риторики разнообразия» (Ibid., p. 283). Как и в приведенном выше примере про учащихся из сегрегированных школ, эти студенты без миграционного прошлого чувствовали себя невидимыми в университетском дискурсе многообразия, они также сталкивались с изоляцией и нерелевантными маркерами их идентичности.

Таким образом, используемая в качестве методологической оптики концепция сверхразнообразия позволяет выявить реальные и потенциальные риски социальной напряженности как в образовательных пространствах, так и в обществе в целом.

Заключение

Сверхразнообразие — одна из современных концепций, позволяющая осмыслить текущие политические, социокультурные, социально-психологические трансформации. Целью рассмотренного выше справочника являлась не только интеграция имеющихся теоретических знаний по обозначенной проблеме, но и разработка методологического инструментария, позволяющего осваивать новые реальности и выявлять зарождающиеся изменения.

Методологический смысл введения понятия «сверхразнообразие» (superdiversity) заключался в том, чтобы подчеркнуть темпоральное расслоение разнообразия как такового, а также многомерные

и множественные процессы, создающие в современной социальной реальности разнообразие на эмпирическом уровне, прежде всего, связанное с возросшей мобильностью и миграционными потоками.

Сверхразнообразие выступило конструктом, позволяющим описывать разновидности сложных социальных трансформаций, представленных в разных дисциплинарных областях и образующих общее пространство социального знания или то, что в ином исследовательском контексте — изменений человека и мира — можно было отнести к *антропологии современности*.

Таким образом, концепция сверхразнообразия позволяет работать со сложными социальными трансформациями. Это один из методологических инструментов, возникших в ответ на вызовы текущих изменений человека и мира. Хотя наиболее продуктивно в качестве аналитического инструмента концепция сверхразнообразия проявила себя в исследованиях глобализации и миграции, этнической категоризации и изучении современной идентичности, она востребована и в иных областях — социолингвистике, цифровой этнографии, моделировании образовательного пространства.

Superdiversity as a challenge to old paradigms

Marina S. Guseltseva
PhD in Psychology, Associate professor, Leading Researcher, The Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute); Leading Researcher, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (9–4, Mokhovaya Str., Moscow, Russian Federation, 125009); https://orcid.org/0000-0002-0545-0612, e-mail: mguseltseva@mail.ru

TO CITE Guseltseva, M. S. (2025). Superdiversity as a challenge to old paradigms. *Educational policy*, 20(1), 104–115.

© Guseltseva M. S., 2025

Received: 01.02.2025
Accepted: 04.02.2025
Date of publication: 31.05.2025